

Пронкин С.В.

Политический кризис 1730 г. в литературе XVIII – первой половины XIX вв.

Предпринятая в 1730 г. Верховным тайным советом (ВТС) попытка ограничения самодержавия, составление им условий занятия российского престола Анной Иоанновной («Кондиций» или «Пунктов») – одно из самых ярких событий политической истории России XVIII в. Однако относящаяся к нему исследовательская литература долгое время оставалась скудной, что объяснялось как общим состоянием отечественной исторической науки, так и внешними условиями её существования. Сам факт «затейки» трудно было замолчать, так как она была предпринята открыто. Её непосредственными участниками стала не только административно-политическая и военная элита империи, но и гвардия, собравшееся на предполагавшуюся свадьбу Петра II «общенародие», преимущественно дворянское. Заинтересованными свидетелями событий были иностранные дипломаты, которые подробно информировали о них свои правительства. Происшествие состоялось в Москве – в важнейшем центре России, где в то время располагался императорский двор. Поэтому не могло оно быть секретом и для страны, по крайней мере, для тех представителей российской провинции, которые имели возможность получать информацию о столичных событиях и обладали политическим развитием, чтобы ими заинтересоваться. Не могла не вызвать вопросы история с переписью новой императрицы¹. В начале 1730 г. в России имело место редкое для неё подобие открытой политической борьбы с участием дворянского «общества».

Но самодержавие было восстановлено, действия ВТС стали рассматриваться как тяжкое государственное преступление. Архивное дело, хранившее относившиеся к ним документы, имело сделанную рукою Анны Иоанновны надпись: «О коварных письмах, как я на престол взошла». Хранение копий «Кондиций» стало признаком политической неблагонадёжности, этот проступок был поставлен в вину А.П.Волынскому и его «конфидентам». Наследники императрицы Анны также стремились не напоминать обществу о досадном для монархической власти в России происшествии. Упомянутое архивное дело содержало и резолюцию Екатерины II: «Без именного указа никому не выдавать»². Известно, что просвещённая императрица пришла в ужас, ознакомившись с жестокими подробностями дела А.П.Волынского. Но в отношении действий ВТС она была вполне солидарна с Анной. «Безрассудное намерение Долгоруких, – писала Екатерина, – неминуемо повлияло бы за собою ослабление – следовательно и распадение государства, но к счастью намерение это было разрушено здравым смыслом большинства»³. В результате аутентичные тексты «Пунктов» в России удалось опубликовать лишь через 130 лет после их составления.

Плачевное состояние научной разработки проблемы до середины XIX в. было связано не только с её политической остротой, но и с общим состоянием отечественной исторической науки. Гуманитарные знания в России XVIII в. развивались медленно. Отсутствие прочных исследовательских традиций в области общественных наук, их архаический, неразработанный язык соединялись с недостаточным вниманием к ним

¹ В первом варианте присяги, утверждённом ВТС 18 февраля и приведённом в действие 20 февраля, Анна Иоанновна не именовалась самодержавной, клятва приносилась не только императрице, но и государству. Во втором варианте присяги, утверждённом 28 февраля, клятва приносилась только самодержавной императрице.

² См.: Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 16.

³ Екатерина II. Собственноручная записка Екатерины II о попытке князей Долгоруких в 1730 г. ограничить власть самодержавия // Русская старина. 1875. № 2. С. 388.

правительства, которое в то время являлось главным двигателем интеллектуального прогресса. Немногие работавшие тогда в России исследователи занимались преимущественно её древней историей, которая не только была политически менее уязвима, но и считалась «настоящей», сравнительно с «новой», открывавшейся правлением Петра I. Примитивной являлась методология исследований, точнее, она отсутствовала. Конечно, в трудах немногочисленных представителей русской интеллектуальной элиты XVIII в. можно легко обнаружить знакомство с рационалистическими и просветительскими политико-правовыми теориями того времени, но проявлялось оно преимущественно в политических трактатах, а не в собственно исторических трудах, которые носили верноподданно-монархический и описательно-моралистический характер. Их авторы обычно не пытались ни вскрыть объективные причины событий, ни извлечь из них положительные уроки, ни подвергнуть научной критике привлечённые источники.

Методологический и теоретический уровень обществоведческих трудов стал повышаться ближе к середине XIX в. Идущие из XVII–XVIII вв. представления о существовании естественного права, влиянии «местоположения» этноса на его историческую судьбу дополнились идеями Н. Кондорсе об историческом прогрессе, историософскими построениями классической немецкой философии, «исторической школы» права. Историки стали прибегать к использованию генетического, критического и сравнительного (компаративного) методов. Так, если авторы XVIII в. усматривали причину конституционных намерений ВТС преимущественно в корыстных стремлениях «верховных господ», то М.М. Сперанский хоть и считал их действия преждевременными, увидел связь между ними и реформами Петра I, который «во внешних формах правления ничего решительно не установил в пользу политической свободы», но «отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле»⁴. Но данные теоретические новации продолжали проявляться или в политических трактатах, или в трудах по древней истории России («скептическая школа» М.Т. Каченовского, «теория родового быта» Г. Эверса), или в историософских спорах об исторических судьбах России (западники и славянофилы), они мало влияли на состояние изучения политической истории XVIII в. Наряду с цензурными ограничениями и общей неразвитостью методов исторического познания, незначительный научно-исторический прогресс в первой половине XIX в. объяснялся медленным расширением круга легально доступных документальных источников. Их качество и количество были явно недостаточны для организации полноценных научных исследований. Ещё только формировалась традиция публикации документов и мемуаров, недостаток которых частично компенсировался наличием частных собраний рукописей и документов, составлявшихся немногочисленными любителями отечественной старины, относительной свежестью семейных преданий.

Несмотря на эти затруднения, некоторый научный прогресс всё-таки наблюдался. Либеральный характер правления Александра I, его собственное широко заявленное намерение утвердить в России начало законности, не столь афишируемое стремление ограничить самодержавную власть фундаментальными законами, не только сняли некоторые цензурные ограничения, но и вызвали неподдельный интерес к проблеме со стороны просвещённых кругов общества. «Вышедши на свет, обозначился у нас девятнадцатый век, не взяв себе от предшественника своего ни веры в старинные установления, в отеческие предания, ни той власти, которая, невидимая, умеет держать всякого в своей границе и в общежитии слывет авторитетом, – вспоминал один из мемуаристов. – Надобно было видеть тогда движение свежей по виду, здоровой и

---

⁴ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов // Конституционные проекты в России. XVIII – XX в. М., 2000. С. 359.

радостной жизни; молодое, и не по одним только летам, поколение прощалось не до свидания, а уже на веки веков со старосветскими предрассудками; кругом пошли головы от смелого говора о государственных вопросах и резкого указания, чему и как быть...; вслух развивались такие идеи, которые может быть и до того были не совсем новы у нас, но были безгласны и бессловесны... Вслушиваясь в беседы, в этих надеждах и радостях, я впервые услышал речь о людях *aux idées liberales*, или, как тогда переводили, о людях с высшим взглядом, о необходимости общего преобразования, о конституции»⁵. Но, несмотря на благоприятные внешние условия, исследования предшествующего опыта политического реформаторства не были предприняты. Причины, думается, были преимущественно интеллектуальными, в России всё ещё отсутствовали традиции подобных работ, не сложились не только школы, но и центры научной деятельности. Но не стоит переоценивать и благотельность для исследования «новой» русской истории сложившихся политических условий. Первые, наиболее либеральные, годы правления Александра I не застали в России лиц, которые обладали бы не только необходимыми сведениями, но и досугом для серьёзных предприятий по изучению опыта отечественного политического реформаторства. Затем начались войны с Францией, по завершению которых политическая конъюнктура постепенно изменилась. Правительственный интерес к проблеме угас, конституционное прожектёрство перешло в руки нелегальных политических кружков. Наконец, даже в первые годы правления Александра Павловича существовало недоверие правительственных либералов к обществу, стремление, не предавая дело политических реформ огласке, сосредоточить его в своих руках. Как результат, в литературе начала XIX в. действия ВТС отнюдь не вызывали одобрения. В этом сказывалась не только инерция общественного сознания, но и представление, что подобные реформы должны исходить только от монарха как законного носителя верховной власти.

С точки зрения внешних условий научной деятельности консервативное правление Николая I должно было ещё более затруднить её, возвести на пути исторического познания новые административные преграды и цензурно-политические ограничения. Но одновременно рост интереса к отечественной истории, развитие в высшем русском обществе интеллектуальных интересов создавали предпосылки для прогресса исторической науки. Это были те «замечательные десятилетия», когда «под спудом деспотизма» бурлила свободная мысль, шли острые баталии между западниками и славянофилами, касавшиеся не только настоящего и будущего России, но и её прошлого.

Но прогресс в научном осмыслении опыта прошлых политических реформ шёл медленно. Продолжали сказываться медленное расширение круга доступных исследователям источников, как и самих кадров историков, слабость традиции написания не только монографических работ, но и полноценных научных статей. Исторические труды первой половины XIX в., в которых затрагивались действия ВТС, были представлены преимущественно учебными пособиями, а также биографическими справочниками. Эти жанры сами по себе не предполагали углубленной научной разработки проблемы, к тому же все они, естественно, носили официально-апологетический характер.

В XVIII – первой половине XIX в. в более благоприятном, сравнительно с российскими «резидентами», положении находились выехавшие из России иностранцы и русские политические эмигранты. За границей они находились в общественно-интеллектуальной среде, где присутствовал растущий интерес к «загадочной России», игравшей всё возрастающую роль в европейской политике, существовала давняя

---

⁵ Лубяновский Ф.П. Воспоминания. 1777–1834. М., 1872. С. 209–210.

традиция написания путевых заметок и мемуаров, одновременно отсутствовали цензурные ограничения относительно российской проблематики. В 1770 г. в Лондоне были опубликованы «Записки о России» Х.Г. Манштейна – адъютанта фельдмаршала Б.Х. Миниха. Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны привело к опале Манштейна, он вынужден был покинуть Россию и погиб, сражаясь под знамёнами Фридриха II. Человек информированный, Манштейн мог писать вполне откровенно, что, наряду с литературными достоинствами, стало причиной популярности воспоминаний бывшего полковника русской службы. Событиям 1730 г. в них было отведено заметное место. Манштейн не был их очевидцем, опирался на сторонние свидетельства, но, несмотря на ряд неточностей, достаточно верно излагал общую канву связанных с занятием престола Анной Иоанновной событий, пересказывал содержание «Кондиций», но проигнорировал шляхетское конституционное движение.

Практически одновременно с мемуарами Х.Г. Манштейна появились «Записки» («Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи») самого фельдмаршала графа Б.Х. Миниха, составленные для Екатерины II в связи с предполагавшимся созданием Императорского совета. «Записки» являлись не классическими мемуарами, но историко-аналитическим трактатом, призванным обосновать необходимость заполнения «пустоты» между императорской властью и административными учреждениями империи, в связи с чем автор остановился на деятельности Верховного тайного совета. Миних не был непосредственным участником событий 1730 г., но по своему служебному положению (генерал-губернатор Петербурга) был достаточно информирован. Он негативно отнёсся к деятельности «самодержавного» Тайного совета как такового, что объяснялось скорее личными, чем принципиальными мотивами. Миних не являлся членом Совета, не мог симпатизировать враждебности лидеров верховников к иностранцам, к которым принадлежал сам. Сказывался и официозный характер очерка. В результате оценки Миниха оказались более субъективными и «промонархическими», чем данные Манштейном. Свои «Записки» оставил и сын Б.Х. Миниха – граф И.Э. Миних⁶. Миних-младший, как и его отец, не являлся непосредственным участником событий, опирался на сторонние свидетельства. Не занимая в 1730 г. высоких постов, находясь в то время на дипломатической службе за границей, он менее предубеждён против ВТС, чем его отец, но его рассказ о событиях 1730 г. ещё более лаконичен. Подобно Манштейну, Миних-отец и Миних-сын не стали упоминать о существовании среди шляхетства сторонников ограничения самодержавия, представив последнее намерение делом исключительно верховников.

Подобной системе взглядов придерживались и отечественные авторы, среди которых выделялись архиепископ Феофан Прокопович и В.Н. Татищев, являвшиеся непосредственными и влиятельными участниками событий 1730 г. Первый из них был автором «Истории о избрании и восшествии на престол блаженныя и вечнодостоинныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны» (далее – «История»), написанной, видимо, вскоре после восстановления императрицей Анной самодержавия⁷. Феофан не только был активным участником событий 1730 г., сыграл важную роль в провале попытки ограничения императорской власти, он являлся одним из политически наиболее образованных людей того времени, обладал литературным талантом. Не случайно к его интеллектуальным услугам неоднократно прибегал Петр I. «История» – важный, содержащий уникальную информацию, но крайне субъективный источник. По

⁶ См.: Записки графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих. СПб., 1817.

⁷ Встречается другое наименование записки: «Сказание о смерти императора Петра II и о восшествии на престол государыни императрицы Анны Иоанновны».

своему характеру это не мемуары, но скорее обличительный памфлет, направленный против «верховных господ», намерения которых, как и позиция российского шляхетства, были изложены автором очень пристрастно. «Искусным подбором фактов, слухов и толков, своих личных умозаключений и риторических преувеличений, Феофан дал яркую картину «коварства» и «безстыдия осьмиричных затейщиков», не стесняясь в пользовании всеми доступными ему полемическими приёмами, чтобы добить павшего врага», – писал один из исследователей деятельности Прокоповича⁸. Это был взгляд на события убежденного, «идейного» сторонника самодержавия, который якобы изначально предпринимал все от него зависящие меры для неудачи намерений ВТС. Одновременно записка имела цель подчеркнуть и даже преувеличить роль самого Прокоповича в провале «затейки», как он назвал выступление ВТС. Несмотря на эти недостатки, данное произведение было весьма популярно среди любителей отечественной старины, разошлось по России в многочисленных списках⁹. Предвзятость «Истории» выяснилась позже, когда стал доступен более широкий круг относившихся к обстоятельствам вступления на престол императрицы Анны источников. Прокопович подчёркивал, что стремление «верховников» заключалось в передаче «всей крайней силы осьмиричному своему Совету», вело к установлению строя, «который олигархия у еллинов именуется». Кроме того, в их действиях «некая была хитрость», стремление захватить власть обманом, за спиной у «общества», что вызвало закономерный протест собравшегося в Москве дворянства. «Куда не придёшь, к какому собранию не пристанешь, – писал новгородский архиепископ, – не иное что было слышно, только горестные нарекания на осьмиричных оных затейщиков». Все якобы ожидали бедствий и междоусобиц в случае успеха их плана, чуть ли не распада государства, «понеже русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владетьством храним быть может». В итоге, по версии автора «Сказания», многочисленное собрание шляхетства написало челобитную, прося отвергнуть «Кондиции», «яко некий незаконный изверг и урод, на гибель отечества от немногих затейщиков изданный». Вместе с тем Феофан, несколько противореча себе, вынужден были признать, что перемены формы правления «неции из оных господ и прежде сего желали», то есть их выступление не было случайным. Вынужден он был признать и то, что не всё дворянство было с самого начала за сохранение существующего самодержавного строя. Некоторые из участников развернувшихся острых политических дебатов предлагали объявить верховникам, что они не в праве одни менять государственный строй, «и хотя бы они полезное нечто усмотрели, однако же скрывать то перед другими, а найпаче и правительствующим особам не сообщать, неприятно то и смрадно пахнет». Таким образом, Прокопович не мог замолчать того очевидного факта, что противники «верховников» не были едины. Многие из них, признавался он, «да ещё сильнейшие», того же хотели, что и верховники, но досадно им было, что те их «в дружество своё не призвали»¹⁰.

Феофан Прокопович был также предполагаемым автором ряда других составленных вскоре после вступления на престол Анны Иоанновны документов и записок, интереснейшим из которых были «Изъяснения, каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия в призове на престол Ея Императорского Величества» (далее – «Изъяснения») – обвинительный акт, подготовленный для предполагавшегося суда над инициаторами «затейки»¹¹. «Изъяснения» интересны не только как сумма

⁸ Голицын Н.В. Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. 1907. Кн. 4. С. 519–520.

⁹ Д.А. Корсаков сличил 9 подобных списков. См.: Корсаков Д.А. Указ. соч. С. 20.

¹⁰ Прокопович Ф. Истории о избрании и восшествии на престол блаженныя и вечнодостоинныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1837. С. 8, 14, 16–18, 36.

¹¹ См.: Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 186–193.

обвинений в адрес верховников, но и как краткое, деловое изложение той версии событий, которая становилась официальной. Среди предъявленных обвинений значилось, что «делали сие не многие», «делали же и весьма тайно», «делали же то и скоро, и очень торопко», «две на то сошлись фамилии», которые искали «партикулярных и частных себе интересов», что «в чин царский самозванием вступили», «имянем народа обманули государыню в Курляндии, а именем государыни обманули народ в Москве» и т.д.¹² О наличии в шляхетской среде сторонников ВТС, об альтернативных преобразовательных проектах здесь уже не упоминалось.

По своей значимости к «Сказанию» архиепископа Феофана примыкало «Произвольное и согласное рассуждение и мнение, собравшегося шляхетства русского о правлении государственном» (далее – «Рассуждение») В.Н. Татищева, которое также было известно в рукописных списках. Татищев был не менее активным участником событий 1730 г., чем Прокопович, длительное время в историографии его «Рассуждение» рассматривалось как один из шляхетских проектов того времени. Много позже выяснилось, что происхождение документа более сложное, работа над ним была завершена уже после окончания политического кризиса¹³. Татищев поместил в «Рассуждении» теоретическое обоснование преимуществ монархии перед аристократией и демократией. Он критиковал верховников за то, что «они дерзнули собою единовластительство отставить, а ввести аристократию», изображал себя сторонником самодержавия, сыгравшим ведущую роль в его восстановлении. Но здесь же содержались достаточно крамольные мысли об избрании, согласно «закону естественному», в случае отсутствия законного наследника, нового монарха с согласия всех подданных, о необходимости учредить «нечто» для помощи в управлении Анне Иоанновне как «персоне женской», «к многим трудам неудобной», которой «знания законов недостаёт». Здесь же содержался проект политической реформы, под которым якобы было поставлено 288 подписи¹⁴. Эти колебания между самодержавием и конституционализмом объяснялись реальной ролью Татищева в истории воцарения императрицы Анны. Автор «Рассуждения» был одним из лидеров шляхетских конституционалистов, его подпись стоит под их основным произведением – проектом «364-х», известном как проект Алебердеева-Грекова-Секиотова. Затем, как и другие представители данной партии, он поддержал восстановление самодержавия, после чего постарался первоначально приуменьшить, а затем и забыть о своём «конституционном» прошлом. Первая из этих задач была исполнена в «Рассуждении», вторая – в написанной позже «Истории Российской с самых древнейших времён». Как и Прокопович, Татищев настаивал, что верховники «думали о себе», действовали обманом, «оболгав» Анне Иоанновне, что «всенародно такой записи желают». Узнав об этом, шляхетство стало протестовать и, видя, что ВТС продолжал действовать по-своему, обратилось к императрице с просьбой об отрешении «оного беспутства», что и было сделано «благополучно, без всякого смятения к пользе, силе, чести и славе государя и государства»¹⁵. Для обоснования вывода о пагубности олигархии, Татищев сослался на примеры из прошлого России, сюжеты Смутного времени. Данная версия событий оказалась настолько приглаженной и благонамеренной, что удостоилась чести первой быть допущенной к публикации в России.

И историки, и общественность России стали смотреть на события 1730 г. преимущественно глазами Прокоповича и Татищева, мнение которых об узко-

¹² Конституционные проекты в России... С. 187–190.

¹³ См.: Протасов Г.А. Записка Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. Вып. 11. М., 1963. С. 237–266.

¹⁴ Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 146–152.

¹⁵ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. В 4 кн. Кн.1. М., 1768. С. 546–547.

олигархическом характере «затейки» превратилось в устойчивый стереотип. Следы данной концепции обнаруживаются во всех подцензурных исторических и публицистических произведениях второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Так, проект манифеста «О реформе Сената и учреждении Императорского совета» графа Н.И. Панина начинался с упоминания о «потрясении» самодержавной власти при вступлении на престол императрицы Анны Иоанновны. Об этом же вспоминали некоторые из тех вельмож, которым было предложено представить свои замечания на проект¹⁶. О преждевременности действий Совета, который «тщетно предварял обыкновенный ток вещей», писал во «Введении к уложению государственных законов» М.М. Сперанский¹⁷. Естественно, резко осуждал ВТС Н.М. Карамзин. «Аристократия, олигархия губили отечества, – писал он. – Самодержавие сделалось необходимее прежнего для охранения порядка – и дочь Иоаннова, быв несколько дней в зависимости осьми аристократов, восприняла от народа, дворян и духовенства власть неограниченную»¹⁸.

Согласно данной системе взглядов подправил «Записки о России» Х.Г. Манштейна автор анонимных замечаний на них¹⁹. Он не согласился с мнением Манштейна, что Анна Иоанновна пыталась привлечь на свою сторону шляхетство и гвардию, т.к. в этом якобы не было надобности. «По прибытии в Москву она нашла множество к особе её (приверженных) сердец, – убеждал «критик». – Российское дворянство, привыкшее в течение многих столетий повиноваться самодержавной власти, дышащее неимоверной любовью к монархам своим, с сокрушением взирало на деспотическую аристократию, сосредоточившуюся в двух фамилиях, которые, по всей вероятности, все почести и милости изливали бы единственно на одних своих приверженников. Действительно, какое другое правление может быть прочнее, полезнее, славнее для государства (а особенно для столь обширного, как Россия), чем самодержавное? Мудрый, человеколюбивый, а следовательно, и попечительный о благе подданных своих, самодержец все ветви народоправления объемлет недремлющим взором, всемогущественною дланью приводит в безостановочное движение»²⁰.

Аналогично смотрел на политический урок 1730 г. И.Н. Болтин, который точно и ёмко обозначил позицию дворянской массы – «общенародия». Он не согласился с мнением француза Леклерка, критике книги которого о России был посвящён его труд, относительно мотивов поддержки дворянством самодержавия Анны Иоанновны. Эта поддержка была следствием не привычки к рабству, а также буйству, как полагал француз, а вполне рациональных политических мотивов, понимания сословной и государственной пользы. «Дворянство русское не захотело управляемо быть несколькими членами Совета, опытом познав, что власть единого несравненно есть лучшая, выгоднейшая и полезнейшая как для общества, так и для каждого особенно, нежели власть многих, – писал он. – Они удостоверены были, что монархия в обширном государстве предпочтительнее аристократии, которая обыкновенно теряет время в спорах и не может иметь видов смелых; и что монарх токмо может предпринимать и производить в действие великие намерения. Памятны им были те злоключения, кои от правления аристократического России приключались; и недавность одного из них вящий страх воображению их причиняло». Автор ссылался на негативную оценку действий ВТС В.Н. Татищевым, на исторические экскурсы

¹⁶ См.: Конституционные проекты в России. XVIII-начало XX в. М., 2000. С. 232, 246.

¹⁷ Там же. С. 359. Сперанский почему-то приписал эти действия не Совету, а Сенату.

¹⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 38. Духовенство и особенно народ Карамзин связал с восстановлением самодержавия в публицистическом увлечении.

¹⁹ См.: Согласно наиболее аргументированной версии, таковым был генерал П.И. Панин. Другая версия приписывает авторство графу И.Э. Миниху.

²⁰ Перевороты и войны. М., 1997. С. 155.

последнего, на примеры олигархических смут во Франции и т.д. Но в рассуждениях Болтина чувствуется знакомство с мыслями Ш. Монтескье, других современных ему политических мыслителей, с екатерининским «Наказом». «Монархическое правление, держа средину между деспотичества и республики, есть надёжнейшее убежище свободе», – высказывает автор своё кредо²¹.

Несколько иначе рассуждал князь М.М. Щербатов, который смотрел на события 1730 г. с позиции высшей аристократии, «боярства», которому не были чужды олигархические симпатии. В записке «О повреждении нравов в России», написанной предположительно в 1788–1789 гг., проявились не только последние, но и опыт современного Щербатову государственного управления, которое продолжало страдать от фаворитизма и недостатка фундаментальных законов. Откровенность автора поощрял и формат работы – она писалась «в стол». Щербатов дал только краткую оценку действий верховников. Сама идея ограничения монархии вызвала у автора одобрение, но он осуждал форму её воплощения – стремление «вместо одного, толпу государей сочинить». Попытка не удалась из-за «самолюбия и честолюбия» затеявших её лиц. Одновременно он полагал, что противники верховников были «если не точно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами», личной выгодой²².

Обозначившийся в начале XIX в. некоторый научный прогресс первоначально коснулся состояния источников – фундаментального и одновременно «элементарного» условия работы историка. Архивы не стали доступнее, но практика публикации документов прошлого постепенно расширилась, вырос круг их читателей. Впрочем, археографическая культура оставалась низкой. Издававшиеся рукописи были плохо выверены, переводы иностранных материалов – недостаточно точны, научные комментарии – отсутствовали. Публикаторами чаще выступали не профессиональные историки и архивисты, которых было крайне мало, а издатели литературно-художественных журналов и любители старины. Одними из первых были опубликованы «Записки о России» Х.Г. Манштейна, которые сразу выдержали несколько изданий²³. Их логическим продолжением стала публикация анонимных замечаний на данную книгу, которые публиковались фрагментами в «Отечественных записках» в 1825–1829 гг.²⁴

Духу николаевской эпохи вполне соответствовала «История» Феофана Прокоповича. Ранее известная в рукописных списках, она теперь было опубликовано известным историком и собирателем древностей М.П. Погодиным²⁵. В 1837 и 1845 гг. вышли новые издания «Истории», причём в последнем случае она была соединена с другим важным источником политической истории 1725–1730 гг. – запискам герцога де Лириа²⁶. Так достоянием общественности «легально» стали два ценных, хотя и

²¹ Болтин И.Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. В 2 т. Т. 2. СПб, 1788. С. 474–477.

²² Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Сочинения князя М.М.Щербатова. В 2 т. Т. 2. СПб., 1898. С. 182, 184. Записка была впервые издана А.И. Герценом в 1858 г. в Лондоне.

²³ Манштейн Х.Г. Записки исторические, политические и военные о России. 1727–1744. В 2 ч. М., 1810; Он же. Манштейновы современные записки о России в историческом, политическом и военном отношении. Дерпт, 1810; Он же. Записки исторические, гражданские и военные о России с 1727 по 1744 год. Ч.1–2. М., 1823.

²⁴ См.: Отечественные записки. 1825. Т. 21–23; Там же. 1826. Т. 25; Там же. 1828. Т. 35, 36; Там же. 1829. Т. 38–39.

²⁵ См.: Московский вестник, 1830. Ч. 1. С. 42–74. Но М.П. Погодин не смог опубликовать «Рассуждение» В.Н. Татищева, которое он в 1854 г. получил от «просвещённого любителя русской старины». Оно было опубликовано в 1859 г. уже в новых политических условиях.

²⁶ См.: Прокопович Феофан. История о избрании и восшествии на престол блаженныя и вечнодостойная памяти государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийския. СПб., 1837. Первоначально опубликована в: Сын Отечества. 1837. Ч. 184. С. 23–73; Записки дока Лирийскаго и

субъективных источников информации о событиях 1730 г. В 1842 г. в русском переводе появились извлечения из «Записок» фельдмаршала Миниха²⁷.

Изданием записок герцога де Лириа было положено начало публикации свидетельств иностранных дипломатов, которые имели первостепенную ценность для изучения январско-февральских событиях 1730 г. Важность данного источника была особенно значима при сохранявшейся закрытости отечественных архивов. Иностранные дипломаты были достаточно информированы, а их статус и стоящие перед ними служебные задачи (объективно информировать свои правительства о положении дел при русском дворе) превращали их материалы в политически более нейтральный источник, чем записки архиепископа Феофана или В.Н. Татищева. При этом содержащаяся в них информация была всё-таки вторичной, непосредственно в событиях их авторы не участвовали, но использовали сообщения своих «источников», а также слухи. Герцог (дюк) де Лириа был испанским послом в России. Знатность (его отец, первый герцог де Лириа и Бервикский, был незаконным сыном Якова II Стюарта) и высокий официальный статус позволили ему занять видное место при российском дворе, сделали весьма осведомлённым относительно политических происшествий того времени. Вернувшись на родину, отталкиваясь от своих дипломатических депеш, он составил записку о политических происшествиях в России, свидетелем которых был. Центральное место в записках занимали бурные события, последовавшие за смертью императора Петра II. К запискам были проложены «характеристики» участвовавших в них лиц, которые из-за своей откровенности и резкости не были тогда опубликованы в России. Публикацию сообщений иностранных дипломатов продолжил немецкий исследователь профессор Э. Герман (E. Hermann), который обратил внимание на донесения польско-саксонского посла при русском дворе И. Лефорта. Лефорт, племянник известного сподвижника Петра I, считался в России своим человеком, поэтому был хорошо информирован. Через публикацию Германа сообщения Лефорта стали известны в России. Некоторую информацию о событиях 1730 г. содержали письма леди Д. Рондо – супруги английского посланника при русском дворе, которую интересовала преимущественно внешняя сторона светской и придворной жизни²⁸.

Среди изданий первой половины XIX в. отдельно стояла книга известного политического эмигранта Н.И. Тургенева «Россия и русские», вышедшая в Париже в 1847 г.²⁹ Данный обширный труд имел примечания, частью которых были «Извлечения из переписки иностранных дипломатов, аккредитованных при русском дворе в начале XVIII в.» Здесь были помещены сообщения дипломатов Кампредона, де Лириа, Маньяна, де Бюсси, обнаруженные его братом А.И. Тургеневым. Здесь же публиковались два варианта «Кондиций» и оба прошения, поданные шляхетством 25 февраля 1730 г. – в день, когда Анна Ивановна восстановила самодержавие³⁰. Книга Тургенева стала быстро известна в России, но ссылаться на неё, использовать помещённые в ней документальные материалы в то время было невозможно.

В России же «новая» история являлась достоянием почти исключительно учебной и справочной литературы, которая долгое время ограничивалась простой передачей фактов, сопровождавшейся самыми скромными комментариями. Написанные в приподнятом патриотическом и монархическом духе, они и сами факты передавали

Бервикского во время пребывания его при российском дворе в звании посла короля испанского. СПб., 1845.

²⁷ См.: Записки о России фельдмаршала Миниха // Русский вестник. 1842. № 1. С. 77–134.

²⁸ См.: Письма леди Рондо, супруги английского министра при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1836.

²⁹ *Tourgueneff N. La Russie et les russes.* Paris, 1847. Полный русский перевод: См.: Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001.

³⁰ См.: Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 571–587.

тенденциозно. Согласно Х. Безаку, написавшему небольшое пособие для «благородного юношества», Анна подписала «Кондиции», представленные ей как воля всей земли. Но когда собравшееся дворянство свидетельствовало ей об обратном, она разорвала договорную грамоту³¹. Т.С. Мальгин первоначально только вскользь упомянул о «принятии» Анной Иоанновной самодержавия, но в повторном издании своего «Зеркала» подробно передал содержание «Кондиций», которые, по его мнению, сообщали Анне статус императрицы только «по титулу», ВТС же имел в это время «силу английского парламента»³². Примерно также смотрел на содержание «Кондиций», оставлявших императрице только «титул», И.В. Нехачин³³. Свойственная эпохе патриотическая риторика была сохранена в работе С.Н. Глинки, но в изложении событий 1730 г. он несколько изменил акценты, ещё более усилив обличительный пафос в отношении действий верховников. Содержание «Кондиций» уже не пересказывалось, но просто констатировалось, что Анна Иоанновна лишалась права предпринимать какие-либо действия без согласия ВТС. «Сии самовольные законодатели переменею правления оскорбляли народ, привыкший к самодержавию; обидели самовластием своим дворянство, не участвовавшее в избрании их; наконец, раздражали самолюбие призываемой ими обладательницы», – писал известный патриотический публицист³⁴. Подобная тональность в отношении «буйных олигархов» была сохранена Н.А. Полевым³⁵. А. Вейдемеер также признавал замысел ВТС несогласным ни с благом России, ни с народным самосознанием. Поэтому «народ русский, издревле приверженный своим монархам, не мог равнодушно смотреть на ограничение самодержавной власти», – писал он³⁶.

Авторами наиболее популярных и основательных учебников того времени были М.П. Погодин и Н.Г. Устрялов, которые не только излагали события 1730 г. в духе концепции Прокоповича – Татищева, но и «выравнивали» её в направлении большей политической благонадёжности³⁷. Погодин полагал, что суть замысла доминировавших в ВТС князей Долгоруких и Голицыных заключалась в намерении «ввести в России аристократическое правление», для чего престол и был предложен Анне Ивановне на условии ограничения её власти. Но, приехав в Москву, императрица получила от дворянства предложение царствовать самодержавно, что привело к провалу данного замысла. Подробности содержания «Кондиций», информация о конституционном движении шляхетства, которое не мог игнорировать Феофан Прокопович, в учебнике отсутствовали. Также видел события Устрялов. Он настаивал, что члены ВТС, Долгорукие и Голицыны, решили ограничить власть Анны из личных видов. Но едва ограничительные условия «сделались известными народу..., депутаты от духовенства, дворянства и войска явились к ней с просьбой уничтожить обязательство, предложенное ей немногими лицами, вопреки общему желанию...»³⁸. Устрялов низко,

³¹ См.: *Безак Х.* Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785. С. 155–156.

³² *Мальгин Т.С.* Зерцало российских государей. СПб., 1791. С. 136. Он же. Зерцало российских государей. СПб., 1794. С. 565.

³³ *Нехачин И.* Новое ядро российской истории, от самой древности россиян и до дней благополучно ныне царствующего императора Александра Первого. В 3 ч. Ч.3. М., 1810. С. 22.

³⁴ *Глинка С.Н.* Русская история. Ч. 7. М., 1819. С. 235.

³⁵ *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 года, или историческая картина достопамятных в России за сто лет. Ч.1. СПб., 1845. С. 48.

³⁶ *Вейдемеер А.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1848. С. 92, 100, 105–106.

³⁷ См.: *Погодин М.П.* Начертание русской истории. М., 1837; *Устрялов Н.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. Изд. 9. СПб., 1854; Он же. Русская история. Ч. 2. Новая история. СПб., 1845.

³⁸ *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. Изд. 9. СПб., 1854. С. 232.

обличительно оценивал не только намерения ВТС, но и его состав. Совет якобы состоял «большей частью из людей властолюбивых, привыкших господствовать», которые хотели заменить самодержавие олигархией. Для исполнения этот преступного замысла он «прибегнул к мерам столь же незаконным: хотел обмануть и Анну, и Россию», что вызвало изумление и ропот Сената, гвардии, дворянства на «неслыханную новость». Все они якобы только и ожидали прибытия императрицы, чтобы восстановить самодержавие³⁹. Совместными усилиями императрицы и недовольного «общества» самодержавие было восстановлено. И в этом случае содержание «Кондиций» и шляхетские политические проекты игнорировались.

С близких политических позиций, но несколько глубже, рассматривал проблему автор популярных тогда биографических изданий Д.Н. Бантыш-Каменский⁴⁰. В своих книгах он поместил биографии активных участников интересующих нас событий князей Д.М. и М.М. Голицыных, В.В. и В.Л. Долгоруких, И.Ф. Борятинского, а также М.А. Матюшкина и В.Н. Татищева. Данные им личностные характеристики представлялись для того времени достаточно взвешенными. Так, инициатор «Кондиций» Д.М. Голицын был назван «мужем ума великого, твердым, предприимчивым»⁴¹. Автор передал содержание составленных ВТС «Пунктов», упомянул записку Матюшкина, показывающую, что у верховников были сторонники среди высших чинов империи. Правда, объяснял он это личными связями последних с отдельными членами ВТС, а не политическими убеждениями. К самому же замыслу, к попытке установить «пагубную аристократию» автор отнёсся резко отрицательно⁴². Некоторую научную ценность изданиям Бантыш-Каменского придавало использование малоизвестных рукописей и изустных преданий.

В 1840 г. появилось «Сказание о роде князей Долгоруковых», в котором автор, используя семейные предания, остановился на роли представителей данной фамилии в событиях 1730 г. Взгляд на них П.В. Долгорукого не отличался оригинальностью и вполне соответствовал сложившимся стереотипам. Стремление ограничить власть императрицы Анны он посчитал «безумным предприятием», отметил всеобщее негодование против него, ничего не сообщал о конституционных устремлениях дворянства. Впрочем, автор подробно пересказал содержание «Кондиций» и откровенно признался, что «лица и события, к нам близкие, не могли быть мною описаны с полной истиной»⁴³.

Некоторое отношение к проблеме имели работы К.И. Арсеньева⁴⁴. Их можно отнести уже не к научно-популярным изданиям, а к историческим исследованиям, где впервые в изучении политической истории 1725–1730 гг. были использованы материалы государственных архивов⁴⁵. Но его монографии были посвящены предыстории событий 1730 г., в частности, созданию ВТС и его деятельности в правление двух ближайших наследников Петра I. Наиболее ценная сторона книг – объективная характеристика данного учреждения и его членов. Исследования Арсеньева заметно отличались по своему уровню от большинства современных ему работ, их появление как бы «намекало» на скорое вступление русской исторической науки на новый и гораздо более продуктивный этап.

³⁹ Он же. Русская история. Ч. 2. Новая история. СПб., 1845. С. 533–535.

⁴⁰ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. В 5 ч. М., 1836; Он же. Словарь достопамятных людей Русской земли: В 3 ч. СПб., 1847.

⁴¹ Там же. С. 76.

⁴² Там же. Ч. 1. С. 200.

⁴³ Долгорукий П. Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. 5.

⁴⁴ Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб, 1856; Он же. Царствование Петра II. СПб., 1839.

⁴⁵ К.И. Арсеньев, преподававший историю великому князю Александру Николаевичу, получил на это разрешение Николая I.

Как мы видим, в официально разрешённых в России изданиях до середины XIX в. события 1730 г. освещались крайне лаконично, неполно, давалась искажённая картина их действительного хода. Главное направление данной «абerrации» – противопоставление верховников и шляхетского общества, попытка представить их выступление случайным и социально изолированным. Но представители интеллектуальной элиты России, опираясь на семейные предания, частные собрания рукописей и документов, а также источники иностранного происхождения, могли получить о них более объективную информацию. Об этом свидетельствуют сообщения декабристов. В комментариях Н.М.Муравьёва к одной из записок М.С.Лунина, составленных в 1839 г., давался очерк развития освободительного движения в России, а действия ВТС оценивались как попытка найти равновесие в государственном управлении посредством аристократии⁴⁶. М.А. Фонвизин в «Обзрении проявлений политической жизни в России», не только пересказал содержание «Кондиций», но и констатировал широкое распространение среди дворянства аналогичных настроений. Неудачу предприятия он связывал с расколом между этими двумя группами конституционалистов⁴⁷. Но молодой А.С. Пушкин отнёсся к «гордым замыслам» верховников без симпатии, опасаясь возникновения в России «чудовищного феодализма»⁴⁸. Эту опасность он связывал не столько с угрозой олигархии ВТС, сколько с возможностью возникновения сословно-аристократического строя как такового. Аристократия, захватив политическое господство, затруднила бы для прочих сословий доступ в среду дворянства, закрыла возможность ликвидации крепостного права. Пушкин был среди тех русских прогрессистов, которые рассчитывали на творческие силы самодержавия, продемонстрированные ранее Петром I, видели в «самодержавном реформаторстве» способ предотвращения в России «страшного потрясения», то есть революции или бунта.

Как мы видим, в условиях острого дефицита источников и неблагоприятной политической конъюнктуры взгляды и оценки первых историков «конституционной попытки» 1730 г., которых только условно можно назвать исследователями, формировались в соответствии с концепцией Феофана Прокоповича и «позднего» В.Н. Татищева. Попытка ВТС, полагали они, отражала личные честолюбивые устремления его членов, точнее двух аристократических семей, успех которых привёл бы к установлению в России олигархического строя. Эти устремления вызвали недовольство всего «общества», под которым подразумевалась дворянско-служилая элита, что привело к закономерному провалу олигархической затеи. Намерения верховников оценивались исключительно на основании «Кондиций», другие документы ВТС не были известны историкам. О шляхетских конституционных проектах обычно ничего не говорилось. Научная ценность подобных работ невелика, но они интересны как индикатор общего состояния исторической науки того времени и воплощение доминировавших общеполитических концепций.

Список литературы:

1. *Арсеньев К.И.* Царствование Екатерины I. СПб., 1856; Он же. Царствование Петра II. СПб., 1839.
2. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. В 5 ч. М., 1836; Он же. Словарь достопамятных людей Русской земли: В 3 ч. СПб., 1847.

⁴⁶ См.: *Лунин М.С.* Письма из Сибири. М., 1987. С. 78.

⁴⁷ См.: Общественное движение в России в первой половине XIX в. Т. 1. СПб., 1905. С. 117–118.

⁴⁸ *Пушкин А.С.* О русской истории XVIII в. // Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М., 1976. С. 162.

3. *Безак Х.* Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785.
4. *Болтин И.Н.* Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. В 2 т. Т. 2. СПб, 1788.
5. Введение к уложению государственных законов // Он же. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.
6. *Вейдемеер А.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1848.
7. *Глинка С.Н.* Русская история. Ч. 7. М., 1819.
8. *Голицын Н.В.* Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. 1907. Кн. 4. С. 519–520.
9. *Долгорукий П.В.* Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840.
10. Замечания на «Записки о России» Х.Г.Манштейна // Перевороты и войны. М., 1997.
11. Записки графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих. СПб., 1817.
12. Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при российском дворе в звании посла короля испанского. СПб. 1845.
13. Записки о России фельдмаршала Миниха // Русский вестник. 1842. № 1. С. 77–134.
14. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991.
15. *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.
16. *Лубяновский Ф.П.* Воспоминания. 1777–1834. М., 1872.
17. *Лунин М.С.* Письма из Сибири. М., 1987.
18. *Мальгин Т.С.* Зерцало российских государей. СПб., 1791; Он же. Зерцало российских государей. СПб., 1794.
19. *Маништейн Х.Г.* Записки исторические, политические и военные о России. 1727–1744. В 2 ч. М., 1810. Он же. Манштейновы современные записки о России в историческом, политическом и военном отношении. Дерпт, 1810; Он же. Записки исторические, гражданские и военные о России с 1727 по 1744 год. Ч. 1–2. М., 1823.
20. *Нехачин И.* Новое ядро российской истории, от самой древности россиян и до дней благополучно ныне царствующего императора Александра Первого. В 3 ч. Ч. 3. М., 1810.
21. Он же. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 146–152.
22. Письма леди Рондо, супруги английского министра при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1836.
23. *Погодин М.П.* Начертание русской истории. М., 1837.
24. *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 года, или историческая картина достопамятных в России за сто лет. Ч. 1. СПб., 1845.
25. *Прокопович Ф.* История о избрании и восшествии на престол блаженныя и вечнодостоинныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1837.
26. *Протасов Г.А.* Записка Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. Вып. 11. М., 1963. С. 237–266.
27. *Пушкин А.С.* О русской истории XVIII в. // Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М., 1976. С. 162.
28. Собственноручная заметка Екатерины II о попытке князей Долгоруких в 1730 г. ограничить власть самодержавия // Русская старина. 1875. № 2. С. 388.

29. *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов // Конституционные проекты в России. XVIII – XX в. М., 2000.
30. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времён. В 4 кн. Кн. 1. М., 1768.
31. *Тургенев Н.* Россия и русские. М., 2001.
32. *Устрялов Н.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. Изд.9. СПб., 1854; Он же. Русская история. Ч.2.Новая история. СПб., 1845.
33. *Фонвизин М.А.* Обзорении проявлений политической жизни в России // Общественное движение в России в первой половине XIX в. Т.1. СПб., 1905.
34. *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // Сочинения князя М.М.Щербатова. В 2 т. Т. 2. СПб., 1898.